

Наследие — старый и новый феномен

В теоретическом плане возникают два вида вопросов – *что такое культурное наследие* (философско-гуманитарная перспектива) и *что с ним делать* (технологическая перспектива)? Как правило, в исследованиях по охране культурного наследия акцент делается на второй проблеме. Существует множество текстов, посвященных исследовательским, юридическим, административным, менеджерским вопросам охраны культурных ценностей, не говоря уж о размышлениях, посвященных всякого рода вмешательствам, к которым прибегают специалисты для продления времени существования этих объектов²³.

Поэтому довольно странно, что вопросы, связанные не с усовершенствованием методов охраны, а именно с поиском самого смысла и назначения ее, как правило, отодвигаются на второй план. Но в таком случае остаются без анализа сами предпосылки такой специфической деятельности: *по каким причинам и каким образом* происходит отбор охраняемой части наследия из всей его массы? Опираясь на *какие критерии* это происходит? *Как политическая и социальная конъюнктура влияет на этот процесс?* В конце концов, *каким образом и в каком масштабе* функционирует культурное наследие в общественной среде?

Французский историк Фернанд Бродель в книге «Идентичность Франции» писал, что нация как таковая может воспринимать себя лишь при помощи того, что для нее является существенным, отождествляя себя со знаками и кодами, которые известны лишь тем, кто прошел своеобразную «культурную инициацию». Поэтому такая коллективная идентификация с культурными ценностями прошлого возможна лишь при помощи своеобразного *общественного консенсуса*, который позволяет из всей массы реликтов прошлого выбрать лишь самое важное, потому что невозможно *выбрать и сохранить все*. Таким образом, наследие всегда является результатом конкретного решения, общественной или академической конвенции. Оно не существует *априори*.

Создание наследия (франц. *patrimonialisation*, англ. *heritage creation*), по определению французского специалиста Жана-Мишеля Леньё, является процессом признания материальных реликтов прошлого культурной ценностью²⁴. Как оно происходит?

Признание является важнейшим элементом, предпосылкой охраны, без него не было бы и наследия как такового. Для того чтобы успешно произошел процесс создания наследия, выбираемый объект должен соответствовать нескольким критериям. Существенной предпосылкой признания ценностью становится само старение вещей, часто сопровождающееся потерей их утилитарной функции. Кроме того, немалое значение имеют и случайности исторического процесса – ценность сохранности и редкости. Некоторые же вещи были специально созданы как эстетические объекты, чтобы их собирали и хранили. Также, как известно, некоторые артефакты или места вызывают ассоциации с важными событиями или лицами прошлого. Однако даже этих критериев не всегда бывает достаточно для успешного создания наследия. Имеют значение и случайные факторы академической, политической, социальной или экономической конъюнктуры (интерес к одним и его отсутствие к другим объектам). Надо также, чтобы объектом заинтересовалась определенная социальная группа – *медиатор-инициатор* создания наследия, например краеведческое общество, представители муниципалитета, исследователи культурных ценностей или – в крайнем случае – влиятельное физическое лицо. В общем, процесс создания наследия определяется многими объективными и субъективными факторами²⁵.

²³ Тут можно упомянуть лишь несколько таких исследований: James Marston Fitch, *Historic Preservation. Curatorial Management of the Built World*. Charlottesville, Virginia University Press, 1990; Norman Tyler, *Historic Preservation. An Introduction to Its History, Principles and Practice*. New York, W.W. Norton & Company, 2000; Jukka Jokilehto, *A History of Architectural Conservation*. Oxford, Butterworth Heinemann, 1999; *Historical and Philosophical Issues in the Conservation of Cultural Heritage* (ed. by N.S. Price, M. Kirby Talley Jrand A. Melucco Vaccaro). Los Angeles, The Getty Conservation Institute, 1996; John Delafons, *Politics and Preservation. A Policy History of the Built Heritage, 1882-1996*. Oxford, Alexandrine Press, 1997; *Manual of Heritage Management. Principles and Practice* (ed by R. Harrison). Oxford, Butterworth Heinemann, 1994; C Michael Hall, Simon Me Arthur, *Integrated Heritage Management. Principles and Practice*. London, The Stationary Office, 1998.

²⁴ Jean-Michel Leniaud, *L'Utopie française. Essai sur le patrimoine*. Paris, Menges, 1992, P. 3-4.

²⁵ *European Heritage. Planning and Management* (ed. by G.Ashworth and P.Howard). London, Intellect, 1999, p. 21.

Возможно ли четко описать характер и цели современной охраны наследия, если сам объект исследования все еще пытается ускользнуть из рамок четкого определения? Как только мы вторгаемся в область специальных знаний и практик, моментально сталкиваемся с проблемой ее наименования. Какой термин нам выбрать: «наследие», «наследство», «памятники», «ценности» (им всем, кстати, подходят эпитеты «культурные» и «исторические»), наконец – «охрана памятников» или «охрана наследия»?²⁶

Профессор Юргис Бучас еще в 1993-1994 гг. попытался «поставить все точки над i», взявшись за теоретическое рассмотрение путаницы, вызванной этими понятиями²⁷. «Наследство – то, что нам оставляет прошлое, наследие – то, что мы берем из прошлого и используем как собственность, а ценности культурного наследия – то, что мы сами выбираем из культурного наследия для использования и хранения на будущее. «Наследство» и «наследие» – это не альтернативы, а составные части единого исторического процесса, это отдача и перенятие»²⁸, – писал он.

Однако стоит отметить, что еще до 70-80-х гг. XX в. в Европе эти понятия мало употреблялись. Специалистам и общественности хватало другого термина – «памятник культуры». Последний воспринимался как единая коллекция важнейших исторических объектов архитектуры и искусства конкретной страны, тщательно классифицированная по стилям и эпохам. В свою очередь Ю. Бучас так прочертил траекторию развития понятия «памятник»: «В первичном бытовом смысле слово "памятник" означало вещь, созданную для воспоминаний, или все, что что-нибудь напоминало. <...> Примерно сто лет назад бытовой оттенок слова исчез, и проявилось значение, которое можно было бы назвать археологическим. Памятник – это каждое произведение, имеющее характерные для какой-нибудь эпохи признаки. Позднее это понятие было преобразовано в аспекте исторической ценности: памятник – это след культуры прошлого. <...> На основании такого определения одним из важнейших критериев "памятниковости" стал возраст объекта (чем памятник старше, тем он ценнее). Еще позднее, а особенно когда активизировалась познавательная рекреация, наряду с археологическим и историческим значением памятника как документальной ценности стала важна и его художественная ценность. <...> Ценностность определяют два важнейших признака: историческая информативность (историко-документальная или научная ценность) и зрелость формы (художественная ценность). Памятниками стали считаться произведения зрелых форм не только прошлого, но и настоящего»²⁹. Кстати, автор подчеркнул, что во второй половине XX в., особенно после принятия в 1964 г. *Венецианской хартии*, понятие «памятник» очень расширилось не только «территориально, но и структурно».

Можно заметить, что «памятник», определяемый таким образом, чаще всего обозначает обособленность, индивидуальность, которую находят, оценивают и вводят в сферу юридических, административных и консервативных практик специалисты-эксперты, придерживающиеся определенной общей им концепции научности и принципов административного управления наследием.

Однако в отличие от «памятника» «наследие», опираясь на любое распространенное определение этого понятия, прежде всего указывает на *акт приема-передачи*, преемственность связей поколений прошлого и настоящего. Каково содержание этого термина? Современные теоретики утверждают, что в зависимости от контекста понятие «культурное наследие» можно употреблять как:

1) синоним любых физических реликтов, доставшихся нам из прошлого. В этом случае оно относится как к музейным коллекциям, археологическим раскопкам, так и к архитектурным и природным объектам;

2) понятие, применяемое к реликтам прошлого с позиций современности (индивидуальной, семейной или коллективной памяти). Любой современный продукт, появление которого можно как-либо связать с прошлым, становится продуктом наследия;

3) термин, соответствующий не только любым объектам или артефактам, которые можно связать с прошлым, но и расширяемый до всей сферы культурной или

²⁶ Например, в Литве даже на институциональном уровне эту путаницу попытались ликвидировать только совсем недавно. До новой редакции *Закона об охране недвижимого культурного наследия*, вступившей в силу 20 апреля 2005 г., действовала Государственная комиссия по *охране памятников* при Сейме ЛР, Департамент *охраны культурных ценностей* при Министерстве культуры и подчиняющийся ему Центр *культурного наследия* (выделено автором).

²⁷ Jurgis Bučas, Kai kurie kultūros vertybių sampratos ir apskaitos klausimai, *Kultūros paminklai*, 1994, nr. 1, p. 129-144.

²⁸ Jurgis Bučas, Palikimas ar paveldas? *Naujasis dienovidis*, 1993, nr. 17, p. 6.

²⁹ Jurgis Bučas, Paveldosaugos objektas, *Literatura ir menas*, 1992, nr. 8, p. 12

художественной продуктивности в рамках национального наследия (в том числе и нематериального);

4) понятие, частично или полностью охватывающее также элементы природного окружения, при употреблении термина «наследственный ландшафт» (*heritage landscape*), особенно популярного в системе охраны наследия Северной Америки;

5) понятие, включающее область коммерческой деятельности – «индустрию наследия»³⁰, опирающуюся на совокупность продуктов и услуг, имеющих компоненты наследия;

6) понятие, используемое для обоснования и поддержки политического экстремизма и расовых или этнических особенностей³¹.

Итак, у нас появляется возможность определить различие между уникальностью, элитарностью, репрезентативностью «памятника» и универсальностью, доступностью, демократичностью «наследия». На Западе обратили внимание, что изменения в употреблении этих понятий на самом деле сигнализируют об определенных изменениях в самом обществе, точнее, об укреплении его демократизации³². Параллельные процессы можно усмотреть и в современной исторической науке: она все больше отказывается от изучения традиционных политических или военных событий или биографий великих личностей, обращаясь к социальным структурам, повседневности, менталитету.

Однако какие же конкретные объекты составляют сегодня содержание этого «наследия»? Конечно, в ходе истории оно изменялось и расширялось. Современной охране наследия тоже свойственна не только междисциплинарность, но и все более углубляющееся содержание понятия «охраняемый объект».

В объекте охраны культурного наследия теперь выделяют семь основных групп³³.

1. Природа (растения, животные, экосистемы, геологические и геоморфологические структуры). Традиционно принято считать, что природное наследие имеет мало общего с культурным. Во многих государствах их охрана разделена и на институциональном уровне. Хотя, например, в Европе уже почти не осталось естественной дикой природы, поэтому сложно говорить о «чистом» природном наследии. Конечно же, вид охраны и методы в этом случае остаются своеобразными.

2. Культурные ландшафты (местности, охраняемые из-за их эстетической или культурной ценности). Это сады, национальные парки, кладбища и т.д. В некоторых странах четко не разграничена охрана таких объектов и объектов природы. Культурный ландшафт – это все, созданное человеком или застроенное окружение³⁴. Сады и парки напоминают нам о том, как в разные времена относились к природе, проводили досуг, каковы были представления об эстетике дизайна, каким породам растений отдавалось предпочтение... Кладбища являются замечательным микрокосмосом социальной жизни, истории социальных групп, архитектурных стилей, взглядов и символов, связанных с сантиментами и социальными ценностями. В случае культурных ландшафтов мы сталкиваемся с проблемами, связанными с рекреационным туризмом – например, можно ли считать ландшафтами пляжи? Чаше всего ландшафты ассоциируются с деревней, хотя можно говорить и о городских ландшафтах (*townscapes*), а последние связаны с архитектурными памятниками.

3. Памятники (архитектурные и археологические) являются одной из наиболее ранних и известных форм объектов охраны культурного наследия. Памятник часто ассоциируется с монументом (в некоторых языках это слово употребляется как синоним), скульптурой, хотя означает и очень ценное здание или объект, который именуется культурной ценностью. В этом случае особенно актуален вопрос о его аутентичности и связи с окружением, охраной последнего. Другая проблема: кто может решать вопрос о масштабе вмешательства при реставрации – собственник, архитектор-реставратор, общество? Иногда неясны сами мотивы охраны памятников: охраняются ли они вследствие их нетипичности или типичности, потому что являются первым или последним экземпляром определенного

³⁰ Понятие «индустрии наследия» в 1987 г. чуть ли не первым употребил британский искусствовед Р. Хьюисон. См.: Robert Hewison, *The Heritage Industry. Britain in a Climate of Decline*. London, Methuen Paperback, 1987. Michel Melot, *Le monument à l'épreuve du patrimoine, La confusion des monuments* Cahiers de médiologie no. 7. Paris, Gallimard, 1999, p. 7-20.

³¹ J. E. Tunbridge, G. J. Ashworth, *Dissonant Heritage. The Management of the Past as a Resource in Conflict*. Chichester, John Wiley and Sons, 1996, p. 1-3.

³² Yvon Lamy, *Du monument au patrimoine. Matériaux pour l'histoire politique d'une protection*. Genèves, 1993, no. 11, p. 50-81.

³³ *European Heritage. Planning and Management...*, p. 7-9.

³⁴ Подробнее см. *Культурный ландшафт как объект наследия* / под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.

стиля, потому что были созданы известными архитекторами, потому что в них жили знаменитые люди, потому что они просто красивые, уродливые или странные?

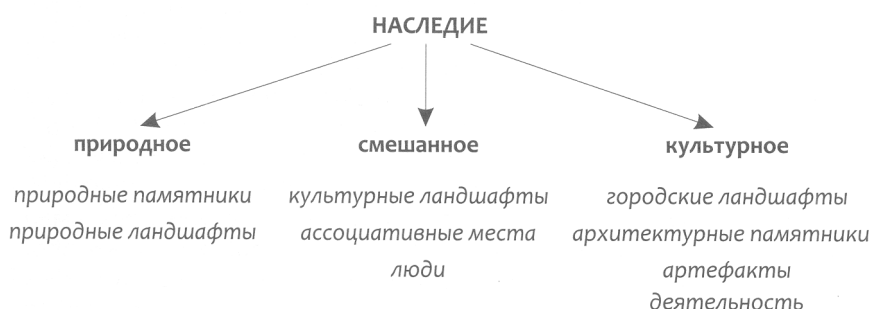
4. Артефакты – это созданные людьми и собираемые ими вещи, которые хранятся в коллекциях, музеях, являются личной, коллективной или государственной собственностью. Коллекционирование – самая древняя практика охраны культурного наследия. Тут тоже возникает проблема определения: например, чучела животных являются культурным или природным объектом? Здание или оборудование ведь тоже артефакты? Эти проблемы заставляют мыслить холистически. Например, корабли и индустриальные сооружения слишком большие, чтобы экспонировать их под стеклом, но они не являются и зданиями. Последние, как и артефакты, тоже могут быть передвижными. Некоторые артефакты теряют былую функцию, превращаясь в экспонаты, или обретают новую. Все это поднимает проблему аутентичности их функции и формы, связанную с вопросами масштабов и объема реставрации.

5. Деятельность тоже может стать объектом наследия, например образ жизни, язык, спорт, кухня, фильмы, телевидение, искусство, специфические знания и навыки, фольклор, музыка, танец, традиции, религиозные практики, даже деньги, традиционные системы мер (в Великобритании) или времени (сиеста в Испании). Все это очень тесно связано с самосознанием и идентичностью.

6. Люди, хотя на первый взгляд это выглядит парадоксально, тоже могут стать ценностями культурного наследия. Например, некоторые страны или профессии имеют собственных святых-патронов (св. Бернард – покровитель Европы, св. Кристофор – патрон Вильнюса). Но это могут быть и ныне живущие люди – носители уникальных традиций и навыков ремесла или искусства (в Японии они называются «живым национальным достоянием», в Европе – это представители аристократии или члены королевских семей – «наследники по крови», в некоторых посткоммунистических странах сохранилось почетное звание народного мастера и т.д.).

7. Местности тоже являются объектами охраны. Они могут быть нематериальными, например мифологические, литературные местности, или материальными, например поля исторических сражений. Ими становятся и индустриальные ландшафты, по которым можно изучать изменения социальных, экономических и технологических условий жизни. Интерес к этим объектам *in situ*³⁵ сперва был связан с появлением «скансенов» – музеев под открытым небом, а сегодня – с экомузеями. Такие феномены сигнализируют о переходе в общественном сознании к более широкому пониманию значения культурного наследия, к индивидуализированному понятию реликтов, *memorabilia*.

Как уже упоминалось, наследие часто, но не всегда, разделяется на природное и культурное. В Австралии и некоторых других странах введено еще и третье измерение – местное (*indigenous*) или смешанное наследие³⁶. Чаще всего последнее интегрируется в сферу культурного наследия, что представляется наиболее рациональным решением данной проблемы. В обобщенном виде это можно представить следующей схемой:

В этой книге автор пытается охватить все аспекты наследия: ландшафты, местности, здания независимо от того, являются они природными, культурными или смешанного типа. Кроме того, движимое и нематериальное наследие часто связано с недвижимым. Примеры движимого – произведения искусства, мебель, книги и другие, более мелкие артефакты. Некоторые из них хранятся в исторических зданиях или музеях *in situ*, другие – в специально предназначенных для этого музеях, библиотеках или частных коллекциях.

³⁵ *In situ* (лат.) – на месте, в оригинальной обстановке. Выражение используется в разных контекстах.

³⁶ Graeme Aplin, *Heritage. Identification, Conservation and Management*. Oxford UP, 2002, p. 1.

Интересно, можно ли считать утверждение термина «наследие» в Центрально-Восточной Европе после 1990-х гг. аутентичным процессом, отражающим демократизацию наших обществ, или оно, как часто случается, является только показателем модного, но пустого подражания западным моделям и терминам? Или это проблема только посткоммунистических стран, демонстрирующая, как и во многих других сферах, исторически обусловленное отставание нашего региона от западной цивилизации, его провинциальность, поскольку идеи и процессы «центра» доходят до него с опозданием? Однако этот вопрос может возникнуть лишь в том случае, если мы согласимся с мнением теоретика архитектуры Франсуази Шоэ, что охрана культурного наследия – это «чистое изобретение западной цивилизации»,³⁷ даже ее отличительная черта, которую вследствие вестернизации и глобализации европейцы навязывают остальным цивилизациям и культурам, конечно, не без их сопротивления, чаще всего через давление таких международных институций, как ЮНЕСКО³⁸.

Хотя на первый взгляд не сложно проследить этапы развития дисциплины охраны наследия на Западе и, находя ее истоки еще в Древней Греции³⁹, прочертить точную историческую траекторию развития, фактически проблема не так проста. Априорная «западническая» версия происхождения феномена станет сомнительной, если вспомнить, что реликты материального прошлого существовали везде и всегда, а спектр обращения с культурными ценностями «всегда варьировал от равнодушия, запущенности, презрения и уничтожения до использования, переделки, охраны, опеки, реставрации, воссоздания и т.п.»⁴⁰.

Приходится признать, что концепция исторического памятника – «продукта» обществ, ориентированных на историю, – на самом деле является модернистской. Она охватывает *местную идентификацию* ценностей, *смешанный их юридический статус* (пересечение частного и общественного), *специализированный присмотр* (учет, консервацию и реставрацию), *публичные репрезентации*, сопровождающие их *дискурсы и визиты*. Тем не менее «памятник» отнюдь не является продуктом модернизма. Он существовал как в древнегреческой культуре, так и во всех других. Это, скорее, антропологическая, чем *историческая* категория⁴¹.

Является ли таковым и «наследие»? Если «памятник» указывает на прошлое, «наследие» выражает преемственность. Как уже упоминалось, в странах Запада это понятие стало применяться совсем недавно, но уже до начала 80-90-х гг. XX в. оказалось весьма распространенным⁴². Это явление возрождения понятия может вызвать удивление, поскольку история термина восходит к средним векам или даже ко времени расцвета римского права.

Очевидно, что как юридическая категория «наследие» существовало там, где признавалось право на частную собственность – т.е., прежде всего, в западной цивилизации. Однако даже краткий экскурс в европейские языки позволяет нащупать коннотативные нюансы этого термина. «Французское *patrimoine* больше относится к сфере личного, чем английское *heritage*, немецкое *Erbgut* более патриотично, чем итальянское *lascito*», – пишет Дэвид Лоуэнталь⁴³. Латинское *patrimonium* (но ни в коем случае не *matrimonium*) соответствовало бы и древне-литовскому термину *tėvonija* – вотчина (от *tėvas* – отец), обозначающему патриархальную установку традиционных обществ передавать свое имущество сыну, поскольку женщина не только была лишена наследства, принадлежащего мужчинам, но иногда и сама становилась частью этого наследства⁴⁴.

Конкретный подход к практике охраны наследия можно свести к нескольким простым вопросам: *что должно быть сохранено? Как надо выбирать подлежащие охране ценности? Где, в каких масштабах и с какой целью?* Ответы на эти, с первого взгляда элементарные, вопросы могут вызвать не вполне осознаваемые затруднения и дилеммы. Они зависят от того, какой из двух упоминаемых ниже путей исследования будет избран и

³⁷ Françoise Choay, *L'allégorie du patrimoine*. Paris, Seuil, 1996, p. 11.

³⁸ D. Audrerie, R. Souchier, L. Vilar, *Le patrimoine mondial*. Paris, Presses universitaires de France, 1998.

³⁹ Подробнее см.: Jean-Michel Leniaud, *Voyage au centre du patrimoine, Domestiquer l'histoire*. Ethnologie des monuments historiques (sous la dir. de Daniel Fabre), Collection Ethnologie de la France, cahier 15. Paris, Editions de la Maison des sciences de l'homme, 2000, p. 187.

⁴⁰ Ibid., p. 186.

⁴¹ Odon Vallet, Les mots du monument, *La confusion des monuments...*, p. 21-26. Olivier Poisson, Pour une histoire des monuments historiques, *Domestiquer l'histoire...*, p. 169.

⁴² Olivier Poisson, Pour une histoire des monuments historiques, *Domestiquer l'histoire...*, p. 169.

⁴³ David Lowenthal, *The Heritage Crusade and the Spoils of History*. Cambridge University Press, 1998, p. 4.

⁴⁴ Ibid., p. 49.

какой метод применен. Отметим, что эти пути охватывают не только «онтологию» культурного наследия (концепции «бытия» объектов охраны), но и его «эпистемологию» (основу самой философии, этики и методов охраны). «Культурное наследие» современные теоретики чаще всего определяют как то, что есть и может быть унаследовано из прошлого, и то, что люди хотят из настоящего передать в будущее. Поэтому возможны два способа отношения к нему.

1. **Классическое понятие наследия как культурных ценностей**⁴⁵, которое утверждает, что мы должны быть, скорее, пассивными посредниками между поколениями прошлого и будущего, обязанными передать возможно больше сохранившихся аутентичности культурных ценностей, что можно назвать «охраной наследия по недостатку». По сути, так иногда ограничиваются возможности использования наследия для современных нужд.

2. **Современное постмодернистское понятие наследия как культурных ресурсов**, «позволяющее активно использовать культурные ценности в информационных, просветительских, досуговых и развлекательных целях»⁴⁶, что на практике порой превращается в безответственно трактуемое «наследие по избытку».

То, что в современной индустрии наследия культурные ценности воспринимаются как культурные ресурсы, проявляется в трояком использовании наследия. Во-первых, оно применимо как **культурные** ресурсы, ценные сами по себе, как знаки совершенствования, «культурности», «цивилизованности», чаще всего составляющие основу музейных коллекций и экспозиций. Основной деятельностью по усвоению ресурсов культурного наследия является его собирание и хранение, однако не только в музеях: «собираются» и мемориальные здания или целые исторические местности. Музей тем не менее отличается исполняемой в обществе ролью, поэтому может стать архетипом других институций похожего характера. Во-вторых, культурные ценности используются как **политические** ресурсы, предназначенные для создания или поддержания государств, обеспечения легитимности их правительств и господствующих идеологий (об этом речь пойдет далее). И в-третьих, они воспринимаются как **экономические** ресурсы, представляемые на рынке в виде продуктов и услуг непосредственно как индустрия наследия, чаще всего связанная с индустрией туризма, или опосредованно – как дополнение к иным типам экономической деятельности⁴⁷.

Эти три существенных типа ресурсов неизбежно и тесно взаимосвязаны, поскольку часто опираются на одни и те же события, личности или ассоциации, кроме того, могут быть использованы в одном и том же месте. Несмотря на это, различаются не только мотивы их использования, политика, управление, практики, но и потребители, которые преследуют разные цели и интересы.

Кроме того, связи между тремя перечисленными основными формами ресурсов наследия могут быть гармоничными или дисгармоничными. Дж. Э. Танбридж и Г. Дж. Эшворт используют для определения отношений к наследию понятие «диссонанс», заимствованное из дискурсов теории музыки и психологии, исследующей нарушения поведения, и обсуждают различные его типы⁴⁸. «Диссонанс» становится особенно ярким при узкогрупповом, этноцентрическом или даже открыто шовинистическом «присвоении» наследия.

Как ни парадоксально, но охрана культурного наследия затевается не ради нее самой, а по внешним причинам и интересам: ради просвещения, социального или политического престижа и легитимации власти, во имя прогресса и имиджа конкретного государства, из экономической выгоды. Невозможно анализировать проблему наследия узко, без глубокого понимания исторической культуры отдельно взятой страны, поскольку уже «недостаточно знать, когда, почему и как хранятся ценности, но нужно понять функции социальной памяти в изменяющихся обществах»⁴⁹. Для этого подробнее рассмотрим связи процесса создания наследия материальных (и нематериальных) объектов прошлого с коллективной памятью и исторической культурой общества вообще.

⁴⁵ Классическими теориями наследия считаются понятия охраняемого объекта и средств охраны, господствовавшие до 80-х гг. XX в.

⁴⁶ Duncan Light, *Heritage as Informal Education. Heritage, Tourism and Society...* p. 125.

⁴⁷ J.E. Tunbridge, G.J. Ashworth, *Dissonant Heritage...* p. 34.

⁴⁸ Ibid., p. 20-93.

⁴⁹ Henri - Pierre Jeudy, *Memoires du social*. Paris, Presses universitaires de France, 1986, p. 17.